

Второй уровень – обращение в рамках одного языка к графическим средствам другого языка. К этому разряду мы относим случаи смешения латиницы и кириллицы. Только эти два алфавита известны в нашем языковом сообществе настолько, чтобы вступить в отношения своеобразной конкуренции. «Графическая вольность» проявляется в следующих шагах: а) употребление кириллицы для иностранных заимствований – традиционный путь, во многих случаях ускоренный отсутствием официального введения имени в узус (в словарях, авторитетных периодических изданиях): магазин *Де юре*, ник *Смайл*, мороженое *Смайл*; б) привлечение для графической фиксации онима латиницы, при исходном кириллическом написании лексической единицы, которая легла в основу онима: ник *Partizan*, магазин *Pelikan*, водка *Smirnoff* (это написание конкурирует со *Смирновъ*). Отметим, что многочисленные случаи использования в рамках русской языковой среды иноязычных названий в оригинальном написании также иллюстрируют данную тенденцию, но не рассматриваются нами, поскольку графическое заимствование здесь вторично; в) объединение в одном названии графических средств разных алфавитов (в основном в целях языковой игры) или имитация средствами одного алфавита знаков другого: сухарики *Хрустteam*, портал *Yandex*, ник-нейм *CaJJaMaHdPa* (здесь характерна имитация кириллической Л с помощью сочетания *Л и Ъ*).

Третий уровень – привлечение для графической фиксации онима небуквенных символов (преимущественно цифровых, но не только). Этот процесс, в отличие от предыдущих, только набирает силу: а) введение в оним цифр (в технических целях или целях экономии): ник-нейм *Nad5151*, зубная паста *32-норма*; б) использование цифр в роли букв: ник-нейм *4yDo*; в) использование иных знаков: компьютерный салон *@льфа*, ник-неймы *Жив@я_Пчёлк@*, *(Chat°)_ _Ganjik_*.

Апофеозом графического волонтаризма в ономастике можно считать широко освещенную СМИ попытку родителей зарегистрировать в качестве официального, «паспортного» имени своего ребенка *БОУ рВФ 260602*.

Выбор неалфавитных графических средств в незначительной степени обусловлен техническими причинами (поскольку уже стоит вопрос о написании кириллицей Интернет-адресов), чаще всего он продиктован эстетическими, идеологическими, прагматическими и иными соображениями. Ономастика становится основным «полигоном» для испытания новых графических средств языка.

Т. А. Гридина
Екатеринбург

Стратегии прозвищной идентификации в диалектной среде

Современный диалектный социум представляет собой весьма неоднородное образование с точки зрения реализуемых в нем практик речевого поведения (общения). Вместе с тем в коммуникативном регистре разных групп сельского населения

присутствуют прозвищные номинации, выступающие специфическим средством идентификации микроколлективов и отдельной личности в рамках диалектного сообщества. Стратегии прозвищной идентификации определяют выбор оснований для создания (использования) неофициальных «имен» в соответствии с социометрическими и культурно-возрастными приоритетами носителей говоров. Охарактеризуем некоторые из таких стратегий на материале прозвищ, бытующих в речи деревенских жителей Талицкого района Свердловской области.

1. Стратегия прозвищного переосмысления оттопонимических названий жителей. Номинация группы лиц по «территориальной привязке» имеет в таких случаях подчеркнутую экспрессивный характер, обусловленный особенностями использованной структурной модели и/или характерологической актуализацией внутренней формы исходного (производящего) топонима: Ср.: *поротята* – прозвище жителей д. *Поротниково* (суффикс *-ята*, указывающий на совокупное множество лиц, характеризуемых по принадлежности к одному месту жительства, обладает коннотацией уменьшительности/ласкательности): *Поротниковских поротята зовут, ласковое такое прозвище*; *коновалы* – жители д. *Коновалово* (оценочные коннотации прозвищной номинации связаны с прямым и переносным употреблением слова *коновал*, выступающим апеллятивной основой исходного топонима). Мотивация подобных оттопонимических дериватов не всегда осознается современными диалектоносителями и может переосмысляться под влиянием системы характерологических кодов прозвищной номинации. Ср.: *кобылинцы* – прозвище жителей д. *Красногорка*, актуализирующее связь с прежним названием деревни – *Кобылино*. «Стертый временем» исходный мотив способствует осмыслению данной номинации в одном ряду с «популярными» в Талицком районе отзоонимными экспрессивно окрашенными коллективными прозвищами (см. ниже).

2. Стратегия прозвищной идентификации, выявляющая исторически сложившийся коллективный «образ» жителей того или иного населенного пункта, характеристику их по доминирующим чертам поведения, быта, особенностям хозяйственной деятельности, внешнему виду и т. п. В рамках данной стратегии реализуются разные номинативные коды образной и/или экспрессивно-оценочной прозвищной идентификации:

- «зоономический» код, использующий для идентификации жителей одного населенного пункта названия домашних животных: *Кабаны, кобылинцы, козлы, да телята, да бараны – это жители разных деревень. Козлы – это упоровские* (д. Упорово), *телята смолинские* (д. Смолинское) и т. п. Несмотря на то, что эти коллективные прозвища широкоупотребительны и стабильно используются в речевой практике, не все местные жители могут объяснить причину их появления: *Козлы да козлы. Ой, говорят, козел, об упоровских. А почему так зовут, не знаю* (подобные комментарии типичны). Можно предположить, что данные прозвища имеют метонимическую природу и связаны с мотивом разведения (содержания) жителями той или иной деревни разных видов домашнего скота; ср. контексты типа: *Катарацкие коров дёржат; Дак, у кого телята, у кого козы да бараны – у всех скотина здесь была и щас дёржат*. Вместе с тем отмечается и экспрессивно-оценочное образное осмысление местным населением отзоонимических коллективных прозвищ на основе ассоциаций по сходству поведенческих черт животного и человека: *Телята, те шибко простодушные, как говорят «ни украсть, ни покарау-*

лечь»; Бараны (жители д. Буткино Озеро) по характеру упрямые, живут обособленно, им в башку ничё не вдолбишь, оне на своём стоят; Козлы своенравные такие, да еще блудливые (закрепленные в национальном сознании русского народа оценочные константы зооморфных образов «подпитывают» восприятие и использование соответствующих им прозвищных номинаций в характерологической функции);

- «орнитологический» код, служащий источником образования «семейных» прозвищ: голуби, грачи, гагары и т. п. В сознании местных жителей восприятие таких прозвищ связано с мотивом родства, «множества», принадлежности к одной «породе»: *Грачи да голуби да гагары. Это родовые все названия, оне (носители прозвища. – Т. Г.) все родственники.* Относительно номинации гагары (в силу ее единичной фиксации, в отличие от грачи, голуби) можно предположить ассоциативную «щепочную» актуализацию модели в ситуации припоминания и «подкрепления» диалектоносителем мотивации реально функционирующего прозвища. Коннотирующим оценочным фактором образного осмысления прозвищных номинаций этого типа, по-видимому, выступает аналогия с характером «групповой» жизни птиц и отличительными чертами их внешнего облика и «поведения»: *Грачи – порода така, оне все как есть черные* (черноволосые и смутлые). Подобные коллективные прозвища могут использоваться и для идентификации конкретного представителя обозначенной «родовой» общности: *Коля Грач, у его дети не грачи (жена-то светлая дак), а братья и отец все черные;*

- «посудный» и «пищевой» коды коллективной прозвищной идентификации жителей, связанных отношениями родства и общими особенностями быта: *кринки, грудки, чугунки, чугуята, шабальята* (ср.: *грудка* 'творог', *кринка* 'крутлый глиняный горшок для хранения молочных продуктов', *чугунок* 'вид посуды, чугуный горшок', *шабала* 'поварешка'). Объяснения мотивации подобных прозвищ носят «сценарный» характер (трактуются, в частности, на основе «легенд» из истории заселения региона): *В деревню пришли старобрядцы со своим скарбом, ели общим столом, каждый должен был принести свое из посуды и еды: кто кринку, кто чугунок, кто шабалу. Отсюда и прозвища родовые пошли: чугуята (Вся родня чугуята зовут: Саня Чугун да Нюрка Чугунка), шабальята. Кринки да грудки да – так буткинских зовут. Грудка – это творог, то, что наверху, где сметану уберут, кверху чё поднимется, вот это грудка.* В сочетании с личным именем собственным такие прозвища нередко получают образно-характерологическое осмысление: *Толя-грудка – он толстенький такой, белолицый, и правда, как грудка;*

- «одежный» код, используемый для коллективной прозвищной идентификации жителей одного населенного пункта: *зипунята, зипунники* (д. Вихляево);

- «профессиональный» код, используемый для характеристики групповых объединений жителей по виду их деятельности: *Тележники – зарубинцы* (жители с. Зарубино), *телеги делали, так их поэтому прозвали;*

- «произносительный» код, используемый для характеристики жителей населенного пункта по особенностям их речи: *чёкальники* (жители д. Озеро Дубровное). Названы так, возможно, по привычке «чёкать»: *Мы чём знаем? Говорят «Ой, чёкальник»; Аксинья Титиха сказывают: «Чё садишь?» – «Да ничё». – «Ну, вот ничё у тебя и неросло* (шутливая приговорка). Не исключено, однако, что объяснение данного прозвища имеет народно-этимологический характер.

3. Прозвищная идентификация по гендерному семейному статусу. Таковы, например, прозвища, которые получают только замужние женщины. Источник их образования – имя мужа. Способ образования – суффиксация с использованием «женского» форманта *-их(а)*. Мотивирующей основой служит чаще всего уменьшительная (неполная, неофициальная) форма мужского имени (*Колиха, Сашиха, Толиха*). Такие прозвища могут употребляться как самостоятельные (ср. шутиливую приговорку: *От, сошлись жо Ларион да Лариха*), но чаще выступают как вторая часть личного женского имени, идентифицируя «замужнюю женщину»: *Маня (Марья, Манька) Петиха, Аксинья Титиха* и т. п. Возможно, данная стратегия прозвищной идентификации – отголосок патриархальных отношений в крестьянской семье, где хозяином считался мужчина (муж), а женщина занимала подчиненное положение. Ср. единственный случай образования мужского прозвища по имени матери: *Миша Дунькин (Его так зовут по имени матери. Она всю жизнь жила без мужа, а мужчина ее жил на две семьи. Ее всегда Дунька звали, а не по имени и отчеству. Слишком простовата она. Потому и сын Миша Дунькин)*.

Каждая стратегия коллективной прозвищной номинации задает свой ценностный регистр в системе социально значимых параметров идентификации личности.

Л. Г. Гулиева

Баку (Азербайджан)

Топонимия и фоновая информация

В последнее время в ономастических исследованиях заметный уклон делается в сторону лингвокультурологического направления. Онимы относятся к тому слою лексики языка, который обладает наибольшей информативностью. Как отмечает В. И. Супрун, «семантическое наполнение онима включает весь объем информации о номинированном объекте, которую дает язык... Если лексическая семантика имен собственных специфична, существенно отличается от аппеллятивов, то разного рода коннотативные и фоновые значения, а также примыкающие к ним этимологические, ассоциативные, сакральные и пр. семы наличествуют у онимов в значительной степени...» [Супрун, 2008, 206]. Лингвокультурологическая информация онимов является фоновой. Взаимосвязь языка и культуры отражает ментальную сущность восприятия человеком окружающего мира.

В онимах аккумулируется опыт человека (сохраняются знания человека о денотате), в них находит отражение в языковой форме та или иная область материальной и духовной культуры народа. Онимы хранятся в памяти человека, являются транслянтами культурной информации. Языковое значение онимов охватывает энциклопедическое знание о предмете, связано с фоновой информацией.

Русская топонимия Азербайджана как определенный стратиграфический пласт [см. об этом: Гулиева, 2008], имеющий хронологически ограниченный период су-